

безумной любовью и никогда о том не подумаю, если будет на то господня воля. И как тогда покажусь я на глаза дяде своему, королю Марку?

– Поистине, – молвит она, – если бы полюбили вы меня столь безумной любовью, как мнится королю, должно было бы считать вас самым бесчестным рыцарем на свете.

– Справедливы ваши слова, госпожа моя; да хранит меня господь всевышний от таких дел и помыслов!

– Но скажите мне, Тристан, зачем попросили вы меня прийти сюда в столь поздний час?

– Госпожа моя, – отвечает он, – сейчас я вам все скажу. Когда покидали мы с дядей королевство Логрийское, дал он мне слово, что какая бы размолвка между нами ни приключилась, не станет он питать ко мне злобы и ненависти и навеки оставит все дурные помыслы. А теперь до меня дошло, что вновь ищет он моей смерти; потому-то и восхотел я попросить вас о встрече, как того велит бог и человеческое разумение. Если ведомо вам, что король и впрямь ненавидит меня столь лютой ненавистью, как о том идет молва, не скрывайте этого от меня. Тогда надлежит мне поостеречься и покинуть эту страну. Ибо лучше мне до конца дней моих не видеть Корнуэльса, чем нечаянно убить короля, моего дядю.

Обрадовалась королева, услышав эти речи, ибо догадалась по словам мессира Тристана, что и он заметил сидящего на дереве короля.

И тогда обратилась она к нему, как подобает, и молвила:

– Мессир Тристан, не знаю я, чем ответить на вашу просьбу. Вы мне говорите, что дошло до вас, будто король Марк изо всех сил жаждет вашей смерти. Но, поистине, ничего я о том не знаю. Если же и впрямь ненавидит он вас и желает вам зла, ничего в этом нет удивительного, ибо мало ли в Корнуэльсе подлых душ, которые завидуют вам, как лучшему рыцарю на свете, и ненавидят вас столь лютой ненавистью, что не говорят о вас ничего, кроме дурного; потому, мнится мне, король и возненавидел вас. Великий это грех и великая обида; и если бы знал он всю правду о вас и о вашей любви, как то знает господь бог и мы сами, возлюбил бы он вас, как ни одного рыцаря на свете, и меня, как ни одну женщину на земле. Но не знает он этого и потому ненавидит вас и меня тоже, хоть и не заслужили мы его ненависти; такова уж прихоть моего господина.

– Госпожа моя, – молвит мессир Тристан, – тяжело гнетет меня эта ненависть, особенно же потому, что я ее не заслужил.

– Поистине, – отвечает королева, – и на мне тоже лежит она тяжким бременем. Но раз уж ничего нельзя с этим поделать, надлежит мне ее претерпеть: такова королевская воля, такова моя судьба, предначертанная господом богом.

– Госпожа моя, – молвит Тристан, – раз вы говорите, что король ненавидит меня лютой ненавистью, уеду я из Корнуэльса в королевство Логрийское.

– Не уезжайте, – говорит королева, – побудьте здесь еще! Может статься, король взглянет на вас не так, как смотрел до сих пор, и сменит гнев на милость. Стыдно было бы вам столь поспешно покинуть эту землю; ваши завистники решат, что вы уезжаете из страха и по недостатку мужества. А тем временем господь надоумит вас, как вам быть дальше.

– Госпожа моя, – говорит он, – встретимся ли мы еще?

– Клянусь честью, – отвечает она, – конечно.

Тут расстался Тристан с королевой и вернулся к себе, радуясь тому, что сумели они встретиться на глазах короля Марка. Ибо король уже не будет думать о них так плохо, как думал раньше; за королевой будут меньше следить, Тристана больше любить, а клеветникам меньше доверять.

Почему бы в один прекрасный день не увезти ему королеву Изольду из Корнуэльса? Она с радостью на это согласится. Так думает Тристан, и утешают его эти мысли.

А королева, расставшись с Тристаном, отправилась к себе в опочивальню и увидела там Бранжьену, которая ее поджидала. Все остальные служанки спали, ибо им ничего не было ведомо.

– Бранжьена! Бранжьена! – молвит Изольда. – Вы не знаете, что с нами произошло? Знайте же, что приключилось со мной этой ночью самое необычайное происшествие из тех, что когда-либо приключались с женщинами.

– Поведайте мне о нем, госпожа моя, – отвечает Бранжьена.

– Говорю вам, – молвит Изольда, – что король Марк решил подстеречь нас этой ночью. И удалось нам, благодарение богу его заметить, и повели мы себя не так, как прежде, и заговорили на иной лад.